

ЧУДЕСА, КОТОРЫЕ НЕ УМИРАЮТ

НЕТ, неправда, что чудес на свете ровно семь. Такое представление явно устарело. Чудес гораздо больше. За последние две сотни лет человечество не раз открывало для себя великолепные памятники старины, снимая шляпу перед умом, смекалкой, мастерством своих далеких предков.

...Этот город поначалу принимают за фата-моргану, очередной трюк пустыни. Но проходят минуты — и путники поражаются вторично. Эти храмы, колоннады, театры — не плод фантазии. Они всамделишные. Людей обступают камни Пальмиры — красивейшего города Древнего Востока.

Вот так же, как перед Пальмирой, немеют, пораженные, путешественники у фантастических плит Баальбека, у пещер Каппадокии, застывают у мавзолеев Шах-Зинда в Самарканде, у пагод в Бирме, у фресок Сигирии на острове Цейлон.

Об этих и других феноменах человеческого творчества рассказывает Игорь Можейко в книге «Другие 27 чудес». Рассказывает увлекательно, с большим тактом и вкусом. Успех автора в том, что он отошел от сухого научного комментария и в то же время смог счастливо избежать столь часто встречающегося в подобных книгах поверхностного, лихого описательства.

Особенно яркие, выпуклы те рассказы, в которых речь идет о памятниках, лично увиденных автором. Вот почему среди самых удачных страниц книги — страницы о памятниках бирманской культуры.

Многие сказки в Бирме начинаются со слов: «Это случилось в Пагане». Что же такое Паган? Это одно из самых почитаемых бирманцами мест. Город. Древняя столица, на улицах и площадях которой давным-давно замерла жизнь. Долгое время слава Пагана жила лишь в преданиях старины. Лишь немногим удавалось воочию увидеть этот чудо-город,

надежно запрятанный за горами, за лесами обширной страны.

Сегодня Паган намного доступней. Посетил его и автор рецензируемой книги. Свое восхищение он умело воплотил в рассказ. Мы явственно ощущаем атмосферу этого города, где пять тысяч храмов свидетельствуют скорее не о мощи и великолепии канувших в Лету царей и их царств, но о большом мастерстве и художественном вкусе тысяч безымянных художников и строителей. Но дадим слово автору. Вот как описывает он свое первое утро в Пагане: «Солнце еще не встало, и воздух за окном был густого голубого цвета. К окнам маленькой гостиницы, стоящей посреди города, сбежались храмы Пагана. Они стояли куда ни посмотришь, голубые и фиолетовые, с отблесками наступающего дня на вершинах... Здесь, без сомнения, потрудились добрые волшебники».

С большой достоверностью рисует И. Можейко историю последнего короля Бирмы, пытавшегося сдержать, хотя и с помощью наивных средств, натиск английских колониальных войск. Король

был свергнут. Его столица разграблена, а знаменитейший мандалайский дворец, причудливый, невероятных размеров, опустел. Через несколько десятилетий на смену англичанам пришли японские колонизаторы. Они внесли свою лепту. Японцы разбомбили остатки города. Дворец окончательно погиб в огне.

Исторические экскурсы, проделанные И. Можейко, отнюдь не утяжеляют рассказа. Они делают прочитанное более осязаемым.

Сменяются цивилизации, города, храмы. Читатель становится свидетелем величия и трагедии замечательного ученого Улугбека, ставшего жертвой заговора мулл и царедворцев, присутствует при строительстве великолепного пантеона на горе Нимруд и целого города Фатехпура-Сикри, возникшего по воле Акбара, одного из потомков Великого Могола.

Но частая смена событий и мест, где они разыгрываются, не утомляет. У автора этой увлекательной книги есть чувство меры. Он ставит точку именно тогда, когда это необходимо. Поэтому, прочитав о «других 27 чудесах», вы получите не 27 разорванных поверхностных ощущений, от которых может вполне пойти голова кругом, а одно ясное, целостное представление о разнообразии и богатстве азиатских культур, о ценности их для истории человечества.

Г. АШКИНАДЗЕ

В САДУ ПОЭЗИИ

20—30-е годы нынешнего столетия — один из наиболее ярких и значительных периодов в литературной жизни Китая. Новая китайская поэзия, когда поэтов было по-настоящему «много хороших и разных», зародилась в волнах демократического, антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 года, возникшего под непосредственным влиянием Великого Октября. Традиционность и новые веяния, воздействие прогрессивной зарубежной литературы, представленной самыми различными творческими направлениями, — все это воплотилось во множестве честных, взволнован-

ных и очень самобытных стихотворений. Их содержанием стали идеи демократии, гуманизма, сочувствие к униженному человеку, призывы к раскрепощению женщины от конфуцианского домостроя.

Общей для китайской поэзии тех лет стала мечта о грядущей гибели старого, несправедливого мира империалистического и феодального угнетения — мира, «в котором люди от голода мрут под забором», как скажет о нем поэт Лю Бань-нун, человек высоких душевных качеств. Символами перестройки старого общества постепенно становились поэтические образы нового мировосприятия — Труд, Мотыга, Молот.

В стране свершилась литературная революция, ознаменовавшая собой не только коренное изме-

Игорь Можейко. Другие 27 чудес. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969, 256 стр.

«Дождливая аллея. Китайская лирика 20—30-х годов». М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969, 200 стр.

нение содержания китайской словесности, но и полное обновление ее формы, языка. Стихотворения 17 участников литературной революции и составили сборник китайской лирики той поры, вышедший недавно в Москве.

Книга привлекает прежде всего отточенностью мастерства поэта-переводчика Л. Черкасского, умением донести до читателя все богатство, самый дух оригинала, а также большой достоверностью сообщаемых сведений. Составитель сборника без предвзятости — и в этом тоже его несомненная заслуга — вынес на суд современного читателя творчество разных по своему поэтическому почерку и устремлениям поэтов. Здесь и стихи о «слезах» Лю Дабая, проникнутые горечью и растерянностью, и одновременно строки, свидетельствующие о правильном видении поэта:

*Жизнь в тюремной неволе,
Цепи, впадая грудь,
И движенье к свободе —
Наш единственный путь.*

Поэт-романтик Чжу Цзы-цин, плохо разбиравшийся в настоящем своей страны, страстно верил в ее будущее. И он заявил во всеуслышание в своих стихах, что не будет стоять в стороне от той борьбы, которую ведут его современники — революционеры, коммунисты. Трагические ноты свойственны творчеству Сюй Юй-но. Во имя грядущего поэт вступил в единоборство с прошлым и настоящим, а фантазию и мечту избрал оружием своей борьбы. Он не знал, когда и откуда придут перемены, но страстно верил, что «мир свободный создадим!», что когда-нибудь для детей зашумит сад грядущего.

Читателю сборника предстоит познакомиться и с глубоко лиричной поэзией Ван Цзин-чжи. Она прошла извилистый путь от неприятия «злого мира» прошлого, главным воплощением которого были конфуцианские установления, через ощущение тупика и сетования на горькую судьбу — к пониманию всемогущества человеческой руки («Она достанет звезды с небосклона»), к смелому, дерзновенному желанию одолеть врагов китайских трудящихся — иноземных угнетателей. Достаточно сложна и противоречива фигура Сюй Чжи-мо, олицетворявшего своим творчеством гибель буржуазной культуры. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь и Л. Черкасский своими переводами из этого поэта —

искателя «чистого идеала» — показал разные грани его таланта в многоголосом хоре китайской лирики.

Широко представлена в сборнике китайская пролетарская поэзия, сочетавшая в себе реалистическое изображение действительности с романтикой борьбы, с яркой мечтой о будущем содружестве людей. Один из первых китайских коммунистов — поэт Цзян Гуан-цы, учившийся в начале 20-х годов в Москве, донес из Советской России до Китая «вести о мировой революции» и свой пламенный призыв:

*Землю раем сделаем, друзья,
Ведь иначе жить
на ней нельзя!*

Под благотворным влиянием великого Лу Синя творил юный революционер Инь Фу — певец китайской революции. Эпиграфом к наследию этого публициста и лирика могли бы по праву стать строки «Девиза» самого любимого его поэта — Шандора Петефи, переведенные самим Инь Фу на родной язык:

*Любовь ценою смерти я
Добыть готов.
За вольность жертвую
Тобой, любовью!*

В возрасте 22 лет Инь Фу пал от рук гоминьдановских палачей.

Но на смену ему пришло Китайское поэтическое общество, сплотившееся вокруг лусиневской Лиги левых писателей Китая, — целая плеяда революционных поэтов во главе со своим признанным лидером Пу Фэном, чьи стихи 30-х годов, обращенные к китайскому народу в канун нашествия японских империалистов, зазвучали как набат:

*Пробудись,
Штык врага у груди,
Пробудись, пробудись,
пробудись!*

Перечислять всех поэтов, чьи стихи представлены в сборнике, нам думается, не входит в задачу рецензента: заинтересованный человек сам прочтет эту замечательную книгу и, как сказано в предисловии к ней, «найдет строки, которые ему захочется запомнить и прочитать другим». Нам же хотелось бы подчеркнуть другое, а именно то, что вот и еще одна аллея в благоухающем саду китайской поэзии открылась советскому, да и не только советскому читателю. И, несомненно, радости этого открытия способствуют глубокие познания Л. Е. Черкасского — исследователя китайской литературы, удачно сочетающиеся у него с поэтическим даром.

М. ШНЕЙДЕР,
кандидат филологических наук

НА ЯЗЫКЕ ЛУГАНДА

Недавно на прилавках книжных магазинов Уганды появилась небольшая книга с портретом Владимира Ильича Ленина. Она сразу завоевала популярность. Теперь угандийцы могут прочитать на родном языке биографию великого вождя трудящихся всего мира. Впервые в истории этой африканской страны она издана на самом распространенном местном языке — луганда.

«ГРОМ НАД ЮЖНОЙ АФРИКОЙ»

Под таким названием Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» готовит к печати сборник новелл современных писателей — антирасистов ЮАР. Рассказы, собранные в этой книге, посвящены борьбе народов Южной Африки за равноправие, против дискриминации и расистского террора. Среди авторов сборника — Эзекиел Мпалеле, Алан Патон, Ричард Рив, а также ряд молодых талантливых прозаиков Южно-Африканской Республики, представителей прогрессивного демократического крыла литературы ЮАР.